

ОБЛАСНИЙ КОМУНАЛЬНИЙ ЗАКЛАД
«ЛІТЕРАТУРНО-МЕМОРІАЛЬНИЙ МУЗЕЙ Г.С. СКОВОРОДИ»
ФІЛОСОФСЬКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ІМЕНІ В.Н. КАРАЗІНА
ХАРКІВСЬКЕ МІСЬКЕ ТОВАРИСТВО "ФІЛОСОФСЬКА ОСВІТА"

Г.С. СКОВОРОДА І ОБРАЗИ ФІЛОСОФІЇ

Харків 2007

КОНТРОВЕРЗЫ, ВЕРСИИ И ОБРАЗЫ ФИЛОСОФИИ

Философия переживает нынче не самые лучшие свои времена. Не потому ли и в мире далеко не всё благополучно? О том, *что* здесь следствие, а *что* причина, можно спорить, но обсуждение этих проблем упирается в вопрос: что есть философия?

Времена, когда философия считалась наукой всех наук безвозвратно канули в лету. Но, может, философия – учительница жизни, стимулятор мысли, фактор духовности? Считается, что философия помогает человеку самоопределяться в мире. Но есть и задача самоопределения самой философии. Не исключено, что вопрос, «что такое философия» и является её основным вопросом. Можно ли всерьёз заниматься философией, не разобравшись в этой проблеме?!

Философия не лишена шарма. Именно очарование философского текста действует в первую очередь. Философская мысль может как исполнять фигуры высшего пилотажа, так и совершать интеллектуальные авантюры. Философские диковины привлекают праздных зевак и рафинированных знатоков.

Вместе с тем, философия амбициозна. Она стремится занять место на вершине духовной иерархии. Интересно, что ни наука, ни техника, ни литература, ни религия, ни политика не борются за место под солнцем, функционируя каждый в своей нише. Философия же как колобок: из мифа выскользнула, от религии убежала, науку обошла стороной.

Сущность философии весьма загадочна. Чем объяснить, например, такой феномен: представители многих гуманитарных дисциплин активно стремятся использовать философские разработки в своих исследованиях, а философы постоянно привлекают данные специальных наук?

Многообразии философских ипостасей заставляет заострить альтернативу: философия для нас или философия для себя? Философия –

личностна (даже интимна) или общезначима? Это изолированная зона или живительный исток? Насколько далеко распространяется ее влияние за ее собственные пределы? Что остается после прочтения философского текста?

Философ стремится объять необъятное: он легко берется рассуждать о *пространстве и времени, духовности и телесности, разрыве и складке*. Отказываясь решать насущные задачи, философия озабочена «вечными» проблемами. И это при том, что рядовых граждан беспокоят не вопросы: *что есть мир, человек, общество, добро, зло, счастье, свобода, а как стать счастливым, любимым, свободным...* Для возникновения умозрительных вопросов не существует естественного контекста.

Замахиваясь на разрешение общечеловеческих проблем, философия забывает, что одни проблемы куда эффективнее решает наука, а для рассмотрения других достаточно здравого смысла. Пытаясь проникнуть в сущность вещей, она нередко хватает пустоту. Если поначалу мудрость была штучным товаром, порционным блюдом, то позднее она стала расходиться в расфасованном виде.

Не секрет, что философия не представляет собой какого-либо монолита, распадаясь на множество конкурирующих направлений: номинализм и реализм, материализм и идеализм, иррационализм и позитивизм... Философские тексты демонстрируют большое разнообразие подходов, модусов, стилей мышления и изложения. Представители разных направлений не воспринимают друг друга. Философия, центрированная на разуме, стремится обосновывать всё подряд – даже то, что не нуждается в подобных услугах. Иррациональная философия ставит под сомнение истинность теоремы Пифагора и того, что $2 \cdot 2 = 4$. Как следствие, никакой единой философской истины (подобной истине в науке) не существует.

Сложность проблемы “Что есть философия” обусловлена, среди прочего, и крайней неоднородностью философского ландшафта, в котором можно различить и сияющие вершины научной строгости и затхлые метафизические топи. История философии представляется непрекращающимся разбродом и шатаниями (во тьме и наяву). Многообразие наблюдается не только среди направлений, подходов, но и внутри школ. Философия раздирается противоречиями. Противостояние школ и направлений поляризуют пространство философствования. Дилеммы [1, с. 209-223] и контрверзы создают далеко не продуктивное силовое поле. Прижившиеся в философии софизмы, антиномии и парадоксы демонстрируют пренебрежение логическими и лингвистическими правилами. Наконец, многие философы умудряются перечить самим себе.

Проблема самоидентичности философии связана с поисками своего языка. Но это не научный язык строгих терминов, и не диффузный язык человеческого общения. Зачастую, нарочитая затемненность этого языка является одной из преград при освоении философской премудрости. Но, справедливости ради, надо напомнить о существовании особого направления – аналитической философии, манифестом которой является статья Р. Карнапа [2]. Подобный анализ приводит к признанию многих «классических» проблем бессмысленными.

В этой связи напомним о необходимости разграничения слов и терминов. Слова – это единицы естественного языка (их значение описывает семантика); термины – единицы языка научного, искусственного (имеющие однозначное предписанное значение). Философская лексика дрейфует между двумя этими полюсами, не позволяя стабилизировать значение.

Неудивительно, что специфика философского языка определяет и своеобразие философского текста [3].

В какой мере философию можно рассматривать как форму мышления?

Мышление так или иначе связано с мыслями. Но в чем эта связь? В самом общем виде можно сказать, что мышление – это чередование мыслей. Мысли переходят одна в другую, перетекают, переплавляются? Обязательно ли сцепление мыслей, или каждая новая мысль может забыть, о чем была старая? В философском тексте, как правило, присутствуют логические связки, атрибуты, маркеры. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что должной нагрузки они не несут. В науке четко различаются постулаты и следствия из них, гипотезы и установленные положения. В философии статус отдельно взятого утверждения весьма неопределен.

Образы и образцы мысли весьма многообразны [5; 6]. Мысль как таковая, недоступна, ее невозможно поймать, воспринять. Не оформленная, не отлитая в грамматическую форму, она и мыслью-то не является. Речь вовсе не идет о недомыслии. Напротив, мысль может быть выше своей конечной реализации. Воплощение же иной раз может стать ее деградацией.

Более того, до тех пор, пока мысль не осела, не вырисовалась на бумаге, она имеет достаточно неустойчивую природу. Чего в ней больше, образности или дискурсивности, сказать трудно. Это особенно верно для философской мысли, органическая имагинативность которой зачастую превращает ее в элемент художественного творчества.

О мышлении резонно говорить тогда, когда изложение строго следует за ходом мысли. В науке движение мысли подчиняется жесткой дисциплине. В рамках спортивной метафоры можно сказать, что мысли аккуратно передают друг другу эстафету или точно пасуют мяч. В философии же мысль не желает быть скованной цепями логики, она спонтанна. Используя аналогию с фигурным катанием, можно сказать, что она предпочитает произвольную программу обязательной.

Философия священнодействует с понятиями, не понимая того, что они нужны для одного – для построения теорий. Очень часто понятия (платоновские идеи) превращаются в фетиши. Такие философские термины как «субстанция», «материя», «сознание», «душа», «качество» не только имеют разные значения в отличающихся философских системах, но они “плывут” и в рамках одного текста. Метафизическая же конструкция «вещь, взятая сама по себе» абсолютно бессмысленна.

Философия не имеет не только чёткого предмета, но и вразумительного метода. В качестве такового выступает резвое умозрение, раскованное воображение, нередко приводящие к «отсебятине». Впрочем, не только философия основывается на мощи умозрения. На кончике пера делают свои открытия математика и другие науки.

Современная («постмодерная») философия любит подчеркивать свою отстранённость от какой бы то ни было методологии. А поскольку критерия истины в философии (за исключением марксистской), в сущности, нет, то подобная философия поневоле расписывается в своей субъективности.

Не желая решать насущные задачи, философия не связана по рукам и ногам жесткой необходимостью. Коль скоро логика не несет никакой ответственности за философские мысли, то как их можно принимать за *истины*? Философ не желает идти на поводу читательских пристрастий или социального заказа. В этом смысле он говорит от себя. Но в итоге независимость оборачивается тем, что философ оказывается рабом собственных интеллектуальных пристрастий.

Неудивительно, что философы сполна реализуют свободу творчества. Однако попытка А.Л. Никифорова описать процесс философского творчества заканчивается тем, что он приводит примеры творческого процесса в... математике [4, с. 65]!

Характерным примером «дурного метода философствования» [7, с. 230] предстаёт дискурс Н.А. Бердяева [8; 9]. Философия г. Бердяева, как отмечали уже его современники, «старается быть повсюду доказательной», но все его доводы «повинны в логическом круге»; представляют собой «ряд логических ошибок» [7, с. 230-231].

Как подчеркнул в одном из своих выступлений В. Малахов, предназначение философии - заниматься тонкостями, углубляться в детали, а не увлекаться “глобалистикой” (типа основного вопроса философии в его марксистско-ленинской редакции). Такую ориентацию философии можно только поддержать, хотя и возникают некоторые сомнения. Во-первых, философия слишком уж увлечена универсалиями. Во-вторых, не задача ли именно науки входить в подробности?!

Философскому нюансированию противостоит своеобразный гигантизм, чаяние всеобщности, ярко выраженный в трудах Х. Ортеги-и-Гассета. По мнению испанского философа, философия взывает «Универсума», «мира в его единстве», «всего имеющегося» [10, с. 83-85, 87, 95]. Но поскольку автор провозглашает «примат проблемы над решением» [10, с. 83], надеяться на какие-либо результаты невозможно.

В контексте философии по-своему преломляется проблема мнения. Одни философы (например, А.В. Ахутин) подчёркивают, что философия занимается поиском истины, а не мнений; другие считают, что к философским утверждениям понятие истины неприменимо, они являются субъективными мнениями [4, с. 54-55]). Обычно ценность мнения зависит от его приближенности к знанию. Но философ вместе с Григорием Распутиным из романа В.С. Пикуля может гордо заявить: «Я так вижу». За видение спору нет. Философа бессмысленно обвинять в субъективности, пристрастиях, увлечениях. Его мнение становится самоценным. А в итоге вместо философского здания – массив коттеджей.

Ещё один водораздел в философском ландшафте пролегает между критичностью и позитивностью. Может ли философия получать позитив-

ные результаты (понимая под ними чётко сформулированные, строго доказанные утверждения)? Ведь в случае положительного ответа эти результаты ничем не будут отличаться от научных положений! Соответственно, философия станет частью науки и потеряет всю свою самобытность. Понимая это, философы ограничиваются лишь эпизодическими вылазками на территорию Науки.

Мы разделяем ту точку зрения, что наиболее естественный путь развития философии – превращение в систематическую критику идей, концепций, теорий, прежде всего, в критику языка.

Нередко философию сводят к истории философии. Но не ведет ли такой подход (культивируемый, к слову сказать, и внутри самого философского сообщества) к упразднению философии? Экзамен по философии фактически сводится к экзамену по её истории. Но что значит «знать историю философии»? Знать, как звали жену Сократа и учителя Гуссерля? Для чего вообще подобное знание? Для решения кроссвордов, для игры в «Что? Где? Когда?»?

Тогда, может быть, знаток истории философии должен представлять, например, как Кант решал проблему пространства, а Бергсон – проблему времени. А что, если они решали их неправильно? Ведь у этих проблем столько решений, сколько желающих браться за их решение. Нужно ли современному специалисту знание о многочисленных неудачных попытках? Теорема Пифагора, закон Ома, свойства кислот могут пригодиться в жизненной ситуации. Но мнение философа по искусственному вопросу может быть существенным только для узкого специалиста.

Во взглядах на философию выделяются две конкурирующие точки зрения: 1) философия как история имён (личностей) и 2) философия как история идей (проблем). При всей привлекательности первого подхода, второй кажется более убедительным. Зададимся вопросом, чем привлекает нас та или иная персоналия (концептуальная персона)? Вряд ли нюанс

сами своей биографии (которая может стать поживой для книги в серии «Жизнь замечательных людей»). Скорее всего, личность интересна своими свершениями, достижениями в соответствующей сфере. Но тогда мыслитель будет интересен, прежде всего, своими идеями, результатами, что приводит к восприятию философии как истории идей (проблем). В противном случае, во что может превратиться история философии? В историю персоналий, в набор биографий? Взгляд на философию как на историю идей обеспечивает преемственность её развития. Разобщённость же философов приведёт к расщеплению философского языка на отдельные идиолекты, сделает невозможным взаимопонимание между ними. В итоге, потеряет смысл и история философии.

Универсалистскому образу философии противостоит приватный. Так, нередко говорят о «личностной философии». Но что это такое? Фрагмент некой разделяемой субъектом общезначимой философии или набросок нового учения? Согласно А.М. Кривуле, философия нередко предстаёт не чем иным, как рациональным обоснованием личностного мировосприятия [11]. По его мнению, исследуя «обстоятельства творчества любого мыслителя», всегда можно найти среди них «личностные корни определённой системы» [11, с. 27]. Очень часто подобная философия представляет развёрнутое самооправдание. К подобному типу можно отнести и философию Г. С. Сковороды. Отказавшемуся от карьеры и оставшемуся без средств к существованию мыслителю, не оставалось ничего другого, как выработать концепцию счастья, не зависящего от уровня материального обеспечения [12, с. 132].

Мы видим, что попытка охватить философию единым взглядом, представить её как нечто целостное, не удаётся. В качестве альтернативного подхода естественно рассмотреть рецептивные образы философии, т.е. продукты её субъективного восприятия. Опосредованный же взгляд на проблему приводит к намерению рассмотреть его образы.

В сущности, разговор о любой вещи – это разговор о её образе, возникающем в сознании. Образ – неустранимый посредник рассуждений. После Канта данный тезис становится общим местом. Стремясь говорить о том, что существует само по себе, мы сползаем к дискурсу о доступном, о предстоящем нашему взору, т.е. к суждениям об образе (феномене). Не случайно так распространено сочетание *мысленный образ*. В итоге, всё, что говорится о философии как таковой, на самом деле относится лишь к тому или иному её образу.

Компендиум образов философии весьма внушителен. Например, *активистский* образ философии навязывается одиннадцатым тезисом К. Маркса о Л. Фейербахе. Сходный взгляд: «философия – не доктрина, а *деятельность*» присущ лингвистической философии [13, с. 268], которая, с другой стороны, пропагандирует образ философии как терапии. Наконец, и расхожее утверждение о смерти философии – это тоже один из её образов.

Если для сравнения взять, напр., науку, то о результатах её рецепции рассуждать не принято. О каких, собственно, вариантах восприятия математики, географии, литературоведения можно говорить?! Другое дело, можно обсуждать вопросы о структуре науки, её развитии. Но имидж самой науки не претерпевает существенных изменений.

Обсуждение рецептивного образа сходно с формированием мнения и диаметрально противоположно разговору о сущности. Суждение о сущности тяготеет к метафизическому дискурсу, претендуя на объективность, образ же – субъективен. Конкуренции истин противопоставит мирное сосуществование образов. Сущность склоняется к эзотеричности, образ – к демократичности.

В родственном картине образе существенна изобразительная составляющая. Недаром говорят о *приукрашивании образа*. Образности противопоставит дискурсивность. Дискурсивное изложение ответственно, выстраивание же образа не претендует на истину. Имагинативный дис-

курс (вербальный поток, направляемый воображением) – в силу принципиальной расплывчатости образа – не сопряжен с риском.

Очень часто говорят об образах того, что либо не имеет сути, либо весьма неясно и неопределённо. Не исключено, что можно говорить об образах того, что не существует либо имеет весьма слабую степень реальности. В таких случаях образ подменяет собой объект, предстаёт симулякром.

Имагинативность органична бытию философии. Здесь следует выделить два момента. Во-первых, сама философия противится определению, ускользает от дефиниции, мимикрирует под мнимость. Во-вторых, философия, как бы там ни было, вещает об измышленном (умозрительном, абстрактном).

Задаваясь вопросом об *образе философии*, нелишне уточнить, что подразумевается под *образом* вообще. Словари указывают следующие варианты значений: ‘внешний вид’, ‘облик’, ‘предмет воображения’, ‘характер, склад, направление’. В языке эстетики возникают значения: ‘обобщенное художественное отражение’, ‘поэтический образ’. С пометкой “философский” приводится значение: ‘результат познавательной, отражательной деятельности субъекта’.

Для нас важно разделить два смысловых ракурса слова «образ»: 1) образ как ‘конструкция’ и 2) образ как ‘отражение’. Два эти семантические подразделения разводятся оппозицией ВОЗМОЖНОГО и НЕОБХОДИМОГО, а также ИСКУССТВЕННОГО и ЕСТЕСТВЕННОГО.

Значение «образа» как ‘конструкции’ включает в себя семы: ‘выражение’, ‘воплощение’, ‘создание’. В этом случае порождение образа – творческий процесс, в котором существенную роль играет воображение.

Образ как ‘отражение’ улавливает, прежде всего, внешний вид (облик). Он складывается спонтанно; его порождение предопределяется фактичностью. Результат восприятия, возникая в сознании, хранится в

памяти. Понимая, что адекватное отражение практически невозможно, наряду с ним можно говорить о 'преломлении'. Подобное значение неявно содержит фактор 'субъективности'.

В свете сказанного явственно различаются образы прошлого ('отражение') и образы будущего ('конструкция'). Но чему в большей степени принадлежит философия: прошлому или будущему? С одной стороны, она представляет собой сложившийся корпус текстов. С другой, появление всё новых произведений свидетельствует об устремлённости философии в будущее.

Весьма близким по смыслу к слову «образ» является «образец». Образец соединяет в себе черты 'идеала', 'предмета для подражания', 'примера', 'типического воплощения'. Может статься, что разговор об *образе* будет подменён суждениями об *образце*. В частности, вместо беспристрастного описания образов философии может быть осуществлено навязывание собственного представления о предмете.

При всей естественности конструкции *образа философии*, оборот *облик философии* представляется менее употребительным. Возможно, дело в том, что *облик* внешняя характеристика, а интеллектуальные построения не имеют пространственной структуры.

Довольно близким слову *облик* является лексема *обличье*. Однако если *облик* звучит нейтрально, то в *обличье* прослеживаются негативные коннотации. *Обличье* родственно не столько *лику*, сколько *личине*. Если *облик* являет, то *обличье*, скорее, скрывает, обманывает.

В этом плане *обличью* противостоит *лицо*. *Лицо* выражает 'индивидуальный облик, отличительные черты'. Открытое лицо символизирует честность, порядочность. *Показать свое (настоящее) лицо* – выявить сущность (неслучаен оборот: *товар лицом*). Выражение *лицо философии* практически неупотребительно. Возможно, это связано с размытостью облика философии, её гетерогенностью.

Чаще всего философия является в образе метафизики. Но и сама метафизика выступает в нескольких обличьях.

Метафизика отличается повышенной высокопарностью. Она претендует на истину в последней инстанции. Но что такое истина и каким образом она добывается, остаётся за кадром. Все, что изрекает метафизика, автоматически получает едва ли не сакральный статус.

Предаваясь размышлениям о *бытии*, метафизик все дальше отходит от *жизни*, занимаясь построением воздушных замков на песке. По мнению В.А. Ахутина, подлинным философским вопросом является проблема: «Что значит “быть”?». Согласиться с этим невозможно, поскольку этот вопрос имеет сугубо лингвистический (научный), а не философский характер. Ответ на него давным-давно дан Р.Карнапом [2].

По традиционалистской версии философия призвана вскрывать сущность вещей. Но что такое «сущность»? Попытки ответить на этот вопрос отличаются наивностью и беспомощностью. Сущность – то ли «начало», то ли «содержание», то ли «главное, наиболее существенное в вещи». Стремление отыскать сущность (напоминающее чем-то конструирование вечного двигателя) отдаёт элитарностью: сущность открывается лишь аристократам духа, простым смертным надлежит якшаться с явлениями.

По идее, найденная сущность должна описываться. Но на каком языке это должно делаться? Ну, и как-то не слышно, чтобы за последние 2,5 тысячи лет была вскрыта (и должным образом использована) сущность хоть одной вещи.

В противовес метафизике, наука занимается построением моделей. Используемые в науке модели, при всей своей условности, достаточно надёжно свидетельствуют о реальности, не посягая на постижение метафизической сущности.

Научный и метафизический подходы – полярны. Наука решает задачи, метафизика вопрошает. Науку движут реальные проблемы, метафизиче-

ские умы далеки от насущного. Ученый получает удовлетворение по завершении работы; метафизик испытывает энтузиазм в её процессе.

Научная задача всегда конкретна, она точно формулируется. Метафизик же озабочен мировыми проблемами. При этом результат достаточно сложно вычленишь из общего потока философствования. Наука вгрызается вглубь; метафизика устремляется ввысь. Первая готова удовлетвориться синицей в руках. Второй подавай лишь журавля в небе. Выпадение философских осадков в виде конкретных результатов – чудо природы.

Наука функционирует в достаточно жестких рамках; она ограничена в тематике, методах, постановках задач. Логика позволяет мысли двигаться лишь по определенным траекториям. Метафизика же не знает брода. Напомним, что многие физические законы требуют сохранения различных характеристик (энергии, импульса), что резко ограничивает многообразие возможных движений. И лишь философия ведет себя как беззаконная комета в кругу расчисленном светил.

Метафизика не «за», или «над», она, к сожалению, «здесь» и «сейчас». В гомеопатических дозах она, по-видимому, допустима. Но яд метафизики мутит сознание и размягчает мышление. Выход за пределы логической гравитации доставляют изрядное наслаждение.

Основное оружие метафизики – вопрос – не столь безобиден, как кажется. Коварство вопрошания в том, что при всей внешней мягкости, оно достаточно жестко. Вопросом на самом деле часто навязывается ответ.

Метафизик узурпирует умозрение, пренебрегает как эмпирическими проверками, так и правилами дедукции. В итоге, умозрение оказывается не дерзанием разума, а его недоразумением. Рассудок, выходящий, по И. Канту, за горизонт возможного опыта, остаётся изгоем.

Весьма распространён образ метафизики как отважной охотницы за основаниями. Преследование оснований увлечёт не каждого. Поиск начал далёк от анализа прошлого, осмысления происходящего, проектирования будущего. Да и вопрос «Стоит ли жить?», который А. Камю считал наиболее существенным, не имеет ничего общего с основаниями умозрений.

Интересно, отыскивание оснований – забота о себе или о других? Может, их фиксация, определенность способствует душевному равновесию? Или, наоборот, перед нами особый вид озабоченности – основаниями?

Взыскующие оснований разыскивают их для себя или для общественных потребностей? Что они будут делать с найденными основаниями: безмятежно на них почивать или безвозмездно предлагать их другим? И чьи именно основания интригуют: какой-то конкретной сферы или всех на свете (жизни или науки)? Где начало того конца, которым заканчиваются начала? И кто, собственно, заказывает анализ оснований?

Гнаться за основаниями заставляет, скорее, тяга к безусловному, стремление вырваться за пределы непосредственно данного, в основе чего – иррациональная тоска по непознаваемому и запредельному.

Но ограничиваться раскопками пантеона оснований, вроде бы, недостаточно. Ведь на расчищенном фундаменте надлежит еще и возвести нечто. А для этого нужны и материалы, и инструменты, и сноровка. И не в последнюю очередь план постройки. Фундамент не определяет однозначно, то, что будет на нем возведено. Мало иметь основания, нужно уметь из них нечто генерировать – необходима порождающая процедура. Выражаясь метафорически, спросим: какие мелодии можно исполнить на клавишах начал?

Если вести речь об эпистемологических основаниях, то необходимо уточнение: подводятся они под отдельные науки или под науку как осо-

бый феномен? Что касается конкретных дисциплин, должны ли проблемой оснований быть озабочены их представители, или это за них должны делать добрые философствующие дяди и тети?

Иногда, вместо непосредственного поиска оснований, предназначение метафизики видят в рефлексии об основаниях (о принципах их полагания). Ну, а самой метафизике, получается, основания не нужны; она, будто бы, безосновна. Она – совершенная свобода, рождающая основания сама из себя. В утверждении подобной нелепицы особенно упорствовал Гегель. Философия в этом духе – это свободнорожденная мысль. Но не вернее ли считать, что подобная мысль незаконнорожденна? Гегелю вторит современный автор, утверждая, что философ – «самый свободный человек в этом мире... философ не знает никаких ограничений» [4, 126]. Поневоле вспоминается расхожая мысль, что самый свободный человек в этом мире – душевнобольной.

Выявление элементов, конституирующих основания, имеет и чисто научные параллели. В лингвистической семантике ведется поиск так называемых семантических примитивов. В качестве задачи ставится выражение произвольного смысла через элементарные. Одна из трудностей, которую призван преодолеть этот подход – ликвидация общеизвестных кругов в толкованиях, предлагаемых словарями. Пафос этой деятельности в том, чтобы упорядочить естественный язык, сделать его легко обозримым. Но эта задача во многом утопична. Отбор примитивов – во многом вопрос вкуса, интуиции, собственных пристрастий. Сколько-нибудь вразумительных критериев для их выделения не предложено. Не доказана и сама возможность их существования, хотя энтузиастами собраны целые корзины так называемых примитивов.

Воздвигнутую на надёжных основаниях философскую пирамиду, казалось бы, должны увенчивать эффективные результаты. Но вопрос об итогах философских изысканий за их 2,5-тысячелетнюю историю, как

правило, зависает. Многие философы (в частности, А.В. Ахутин) начисто отвергают результативность философии. Но почему? Ведь игнорирование необходимости результатов – это признание собственной несостоятельности. Именно результат свидетельствует об окончании изысканий, их полноценности, серьезности.

А вот у А.Л. Никифорова нет аллергии на результаты [4, с. 68-75]; он видит их в «новой интерпретации» философских понятий и утверждений, придании смысла. Но, если различных интерпретаций столько, сколько философов, то спрашивается, как их можно учесть? Не возникает ли здесь дурная бесконечность бесполезных интерпретаций?

Вместо предъявления конкретных результатов частенько говорят, что задача философии – удивлять и провоцировать. Но ведь жизнь и так каждый день нас обескураживает, так почему бы философии не предложить решение насущных проблем?!

К задачам философии относят разработку системного, целостного мировоззрения [4, с. 27-42]. Однако, вряд ли такая задача под силу отдельно взятым профессорам и ведущим научным сотрудникам. Да и воспримет ли народ умозрительные кабинетные схемы?

Не становится легче, когда целью метафизических дерзаний объявляют не основания, а абсолют (Ау, абсолют!). Если основания хоть как-то дифференцированы, абсолют представляется нерасчленённым аморфным монолитом. Никакие конструктивные операции над абсолютотом не возможны.

В манипулятивном плане метафизика – это злоупотребление словом, какими бы высокими целями это не прикрывалось. К сожалению, язык предоставляет для этого широчайшие возможности, да и бумага все стерпит. Метафизика – это спекуляция на самом дорогом, что у нас есть – на смысле. Она манипулирует словами без референтов, именами без сущностей. В науке прежде вырабатывается понятие, после чего ему подбирается имя. В метафизике сначала возникает эффектная словесная кон-

струкция, а затем под него пытаются подвести хоть какое-нибудь содержание. Основной грех метафизики – гипостазирование значений. В принципе, метафизичность чужда здравому смыслу, обыденному сознанию, естественному языку. Однако и на язык давит метафизический пресс. *Сущность, суть, смысл* – метафизические вкрапления в обыденный язык. *Истина, добро, красота* человеку светят, но не греют. Метафизика приживается там, где нет четкого, разработанного языка. По сути, это – языковая игра, стремящаяся выглядеть солидно, но зависящая от ловкости рук.

Наиболее последовательным и принципиальным критиком метафизики является лингвистическая философия, тесно связанная с прагматизмом. Для этого философского течения язык – инструмент, органон. Лингвистическая философия исходит из концепции ‘значения как употребления’. Этот тезис стоит усилить, сказав, что нет значения вне употребления. Всякая попытка судить о значении должна исходить из практики употребления слова. Метафизике же свойственно представление о значении как застывшем образовании, прозрачном лишь для посвященных. Лингвистическую философию ни в коем случае нельзя путать с «философией языка», представленной М. Хайдеггером, ухищрения которого направлены на мистификацию языковых проблем.

Своё видение философии складывается практически у каждого человека. Любопытный пример содержит роман В.В. Набокова “Отчаяние”. «Философия – выдумка богачей, – утверждает будущая жертва преступления Феликс. – И вообще, все это пустые выдумки: религия, поэзия...». «Философствовать не люблю, но все же следует признать, что мир устроен несправедливо», – вторит ему будущий убийца Герман. Как видим, философия оказывается чуждой и бомжу, и буржуа.

Образ того или иного объекта порождён отношением к нему и складывается на основе той или иной точки зрения. Составляющими отношениями оказываются и восприятие, и интерпретация, и анализ, и

оценка. Образ объекта зависит и от контекста, ближайшего окружения (инспирирующего соответствующие версии).

Поставляя культурный продукт на интеллектуальный рынок, философия находится в жестких тисках конкуренции, во многом проигрывая другим духовным практикам. В борьбе за читателя (потребителя) используются самые разные средства. Причисляя себя к творческой богеме, философ стремится к самовыражению, доходящему иной раз до эксгибиционизма.

Многие столетия философия была служанкой богословия, стремясь освободиться от этой унижительной должности. Но даже в секуляризованном варианте, философия всё равно озабочена многозначительностью, тяготеет к пророчеству. В религии верят, потому что нелепо, в философии – потому что эффектно, интригующе, вдохновляюще. Вера в религии связана с надеждой. Философия также сулит многое, но ни за что не отвечает.

Наука не в пример надёжнее философии. Научные истины обосновываются теорией и практикой. Философские рассуждения, тяготея к откровениям, далеко не всегда дотягивают до доказательств. Ошибка в науке (тем более, в технике) может стоить дорого; промахи в философии никого особо не волнуют. В науке признаётся то, что аргументировано, обосновано. Индивидуальные особенности научного, как правило, не сказываются на результатах его деятельности. Биографии великих учёных интересны в основном для обывателей. Восприятие же философских трудов зависит во многом от авторитета создателя. Образ философа маячит за его текстом.

Дистанцируясь от науки, философия всё больше тяготеет к культуре и искусству. Но тогда нужно сразу отказываться от претензий на истину, оценивать философские тексты по критериям художественности.

Известно, что философия возникла в борьбе с мифом, ставшим предтечей литературы. Но, похоже, что последняя постоянно старается философии мстить. Диалоги Платона воспринимаются многими как памятник именно литературы. А у Софокла, Шекспира, Достоевского философского содержания не меньше, чем в иных трактатах. Современная же (особенно, постмодернистская) философия во многом слилась с литературой (литературоведением). Впрочем, когда философию причисляют к литературе, то на самом деле имеют в виду её образность (ведь ни сюжета, ни художественных описаний в ней нет).

Известно, что всякая мысль (речь) либо соотносится с реальным миром, либо творит свои миры [См., напр., 14]. Философия занимается и тем, и другим. Но философские миры уступают художественным мирам по линии красочности, убедительности. Описывая обобщённые типы поведения, философия (в частности, стоицизм, эпикурейство...) ликвидирует личность, выхолащивает эмоции. Но, человек, оказавшись в ситуации выбора, не хватается за философские труды, а обращается к великим образцам, запечатлённым в культуре. Образ впечатляет больше, чем схема. Философия никак не может тягаться с художественной литературой по части изображения человеческих страстей. Разумеется, чрезвычайно интересно читать то, что написали о любви Х. Ортега-и-Гассет и Р. Барт, но, во-первых, это авторы с недюжинным писательским талантом, а во-вторых, и они не дотягивают до И.С. Тургенева, А.П. Чехова, К. Гамсуна. Характерно, что ближе всего к разгадке человеческой природы подошли не “чистые” философы, а те, кто работает на стыке философии и литературы: С. Кьеркегор, А. Камю, Ж.-П. Сартр.

Каждый писатель, даже авангардист, соблюдает некую степень достоверности, правдоподобия. Философ также не должен отрываться от реальности. Но в литературе всё же главное – презумпция вымысла. Это сфера не столько веры, сколько условности, игры. Философ же вряд ли

согласится признать свои сочинения игрой воображения. Тем не менее, в ряде случаев философские поделки представляются неким квазиинтеллектуальным фэнтези.

Крайней формой литературности предстаёт эссеизм. Хорошим тоном среди любителей считается писать не статьи, а эссе (эссеизируют все!). Ещё бы, ведь это развязывает руки, распускает мысли и фактически снимает ответственность за сказанное.

В общественном сознании философия соседствует ещё и с политологией. О политике принято говорить, что это грязное дело. Сказать подобное о философии в голову не придёт. Жить вне политики практически невозможно; с философией же можно и не соприкоснуться. В политике, с одной стороны, царит прагматика, с другой стороны, люди часто готовы верить в любой абсурд. Приукрашенный вымысел пользуется большой популярностью. В итоге, в политиках разочаровываются. Философ же не может подвести, ведь он ничего не обещает. Философия, хочет она того или нет, но постоянно включает в себя какие-то идеологические примеси. Желание говорить о смыслах, ценностях знаменует втягивание в идеологию.

Ещё одним конкурентом философии выступает практический разум, здравый смысл (во многом, воплощенный в фольклоре). Именно по его рецептам действует человек в проблемной ситуации. Пословицы «семь раз отмерь, один отрежь» или «смелость города берет» гораздо больше говорят человеку, чем глубокомысленные построения. Жизнь учит куда эффективнее общих наставлений. Житейская мудрость требует: больше дела, меньше слов. У философа же слова, слова, слова...

В отличие от практического разума, философия во многом утопична. Утопия идеальна и несбыточна. Нереальна и оторвана от жизни философия. И та, и другая занимаются построением воздушных замков. И у философии, и у утопии натянутые отношения с наукой и дружественные с литературой.

Утопичность философии связана с её атопичностью. Широкой популярностью пользуются соображение Б. Рассела о том, что философия – своеобразная Ничья Земля, занимающая промежуточное место между богословием и наукой. На самом деле, философия граничит и со многими другими культурными зонами, оказываясь своеобразным медиатором.

Таинственную сущность философии не исчерпать ни многочисленными уподоблениями, ни субъективными моделями, ни выявлением её внутренних конфликтов. Философские перипетии столь же непредсказуемы, что и превратности судьбы отдельных философов. Специфику философии в какой-то мере высвечивает личность такого неординарного её представителя, как Г.С. Сковорода. Пожалуй, ни один мыслитель не собрал столько противоречивых отзывов о себе. Как “мандрівний філософ”, Сковорода являет собой яркий пример атопического мыслителя. Но дело не только в том, что его физическое тело не имело пристанища. Его творческая мысль вольно блуждала философскими тропами, облекаясь в разнообразные литературные одежды. Маргинальность провинциального мудреца выразительно оттеняет пороговый характер философского сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Джеймс У.* Воля к вере. – М.: Республика, 1997. – 431 с.
2. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 69-89.
3. *Калюжный В.Н.* Дискурс: философский и другие // Філософська спадщина Г.С. Сковороди і сучасність. Матеріали ІХ Харківських міжнародних Сковородинівських читань (до 280-річчя Г.С. Сковороди). – Харків: «Екограф», 2002. – С. 141-151.
4. *Никифоров А.Л.* Природа философии: Основы философии. – М.: Идея-пресс, 2001. – 168 с.
5. *Калюжный В.Н.* Образы мысли в естественном языке / Вісник ХНУ. – № 491. – 2000. – С. 352-356.
6. *Фреге Г.* Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987. – С. 18-47.

7. *Яковенко Б.В.* Философское донкихотство // Н. А. Бердяев: pro et contra. – Кн. 1. – СПб.: РХГИ, 1994. – С. 226-237.
8. *Калюжный В.Н.* Логический дискурс Бердяева // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: Материалы VIII Общероссийской научной конференции. 24-26 июня 2004 г. – СПб.: Изд-во СПб. у-та, 2004. – С. 257-259.
9. *Калюжный В.Н.* Николай Бердяев: от противоречивого характера к парадоксальной философии // Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. – М.; Харьков, 2003. – С. 3-12.
10. *Ортега-и-Гассет Х.* Что такое философия. – М.: Наука, 1991. – 408 с.
11. *Кривуля О.М.* Філософія як раціональне обґрунтування особистого світосприйняття // Григорій Сковорода: глобальне і національне: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції. – Харків: ТО Ексклюзив, 2007. – С. 27-34.
12. *Іваньо І.В.* Етика Сковороди і філософія Епікура // Від Вишньовського до Сковороди (З історії філософської думки на Україні). – Київ: Наукова думка, 1972. – С. 125-134.
13. *Богомолов А.С.* Английская буржуазная философия XX века. – М.: Мысль, 1973. – 317 с.
14. *Калюжный В.Н.* Логика языка в исследовании лирики // Викладання мов у вузі на сучасному етапі: Междисциплинарні зв'язки. Збірник наукових праць. – Вип. 4. – Харків: Константа, 2000. – 173-184.